

ные кражи из товарных вагонов продолжались вплоть до 1980-х гг. Занимались этим преимущественно люди, связанные с железной дорогой, при сговоре с охраной станций. Кражи происходили преимущественно на станциях Куровская и Давыдово, где товарные составы стоят подолгу.

В целом отношение к разбойникам в Гуслицах было положительным: «Они были люди хорошие, грабили только богатых, бедным только помогали». Те, кто прежде наводил ужас на население Гуслиц, остались в народной памяти как Робин Гуды. Когда однажды в одной из сельских школ края я спросил у учителей, почему гусяки всегда хорошо говорят о разбойниках, то получил следующий ответ: «А что о них плохо помнить? Где-нибудь обоз ограбят — вся деревня хорошо живет!». Некоторые лидеры шаек предпочитали делиться с односельчанами, чтобы обеспечить себе «тыл» на случай погонь, засад и т.п. О разбойниках старожилы до сих пор говорят: «Они о себе особо не думали. Грабили, чтобы бедным помочь. Сами так и оставались безо всего» (зап. в 2005 г. от Екатерины Дмитриевны Бадалиной, урожд. Лебедевой, 1925 г.р., родилась в д. Устьяново, сейчас проживает в п. Шувое). Такая идеализация образа разбойника типична для фольклора, а в крае, который слыл разбойничьим, другого отношения, вероятно, было бы трудно ожидать.

Литература

Братское слово 1888 — Братское слово. М., 1888. № 4.

Гиляровский 1887 — *Гиляровский В. С* Гуслицкого пожара // Русские ведомости. 1887. № 250, 11 сентября.

Гиляровский 1999 — *Гиляровский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1999.

Голос 1864 — Голос. СПб., 1864. № 243, 3 (15) сентября.

Пастухов 1883—1884 — *Пастухов Н. И.* («Старый знакомый»). Разбойник Чуркин: Роман: В 5 ч. М., 1883—1884.

Русские ведомости 1887 — Русские ведомости. 1887. № 48, 19 февраля. № 63, 6 марта.

Сокращения

ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.

Н.Е. КОТЕЛЬНИКОВА
(Москва)

ТЕМА РАЗБОЙНИЧЬИХ КЛАДОВ В НАРОДНОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ

С разбойниками клады связывались повсюду. Эта связь легко объяснима: должны же были куда-то спрятать они те огромные богатства, которые по народным рассказам у них скопились

[Соколова 1970, 198].

Погружаясь в мир чудесных и таинственных, кровавых и ужасных, а иногда ироничных и даже сугубо бытовых русских фольклорных рассказов о разбойниках, мы видим, что любой мало-мальски известный разбойник оставил после себя клад. Изучив народную прозу о кладах, мы узнаем, что наибольшее число кладов обязано своим происхождением именно разбойникам.

Рассказы о кладах распространены в России повсеместно и имеют больше сходства, чем различий. Наибольшее число записей приходится на Центральный, Северо-Восточный и Поволжский регионы, а также Урал и Сибирь¹. Специфика рассказов о разбойничьих кладах определяется более их связью с образом конкретного разбойника, нежели локальной приуроченностью.

Какие же черты в образе разбойника наиболее ярко выявляются с помощью введения в повествование мотива захоронения клада? Их можно условно сгруппировать следующим образом: архаические черты, связанные с мифологической составляющей данного образа, и черты, свойственные разбойнику как историческому лицу.

С точки зрения социальной роли разбойники могут быть как «благородными», борцами за социальную справедливость,

¹ Это в немалой степени связано с неравномерной представленностью разных регионов России в доступных нам публикациях несказочной прозы.

вость, так и собственно разбойниками, грабителями и душегубами. «Образ “благородного” разбойника не вытесняет из народной исторической прозы ранее сформировавшийся образ собственно разбойника — ведь и в действительности одно социальное явление не исключало другое. Оба они сосуществуют в традиции, хотя при определенных благоприятных для того или иного персонажа условиях роль одного из них заметно возрастает» [Криничная 1987, 172].

Одной из важных архаических черт разбойников следует считать наличие у них необычайной физической или магической силы. Рассматривая мотивы преданий разбойничьего цикла, Н.А. Криничная пишет: «Наиболее устойчивыми, как правило, являются те из них, в которых ощутимы импульсы, идущие от соответствующих мифолого-ритуальных “образцов”. Таков, в частности, мотив обретения разбойником силы — физической и магической, который сохранился в русских преданиях (в известной мере он соотносится с аналогичным мотивом, входящим в структуру преданий о богатырях и силачах). В рудиментарном виде в нем отражены древнейшие представления, согласно которым у разбойника появляется сила и ему сопутствует успех в том случае, если, уходя на промысел, он убьет первого встречного: “Пошел на дорогу; попадает на первой встрече родная сестра брюхата: «Ты, сестра, первая встреча. Не спущу тебе!»”²» [Криничная 1987, 176]. Нечеловеческая, «чужая» сущность разбойника-душегуба подчеркивается в мотиве использования разбойником в пищу человеческого мяса: «Вот пришлось такое время, накануне Светлого Христова Воскресенья; люди пошли ко всеношной, а он, добрый молодец, — на разбой, и взял собачку да потожок и острый нож; взял каравай белого хлеба, полштофик винца да часть человеческого вареного мяса и пошел на большую дорогу» [Садовников 1884, № 105]. Н.А. Криничная указывает также на то, что с течением времени «рассматриваемый мо-

тив, и прежде всего сам обряд, подвергается значительной трансформации, суть которой заключается в подмене человеческой жертвы заместительной: “Вот раз вышел дед в поле... Попадаются встрече разбойники. «Кто идет? Стой». А дело утром было, на заре. «Ах, да это ты, Кольшек, нам первая встреча! Разве не знаешь, что первой встрече, кто бы ни был, голову долой?» — «Как, батюшка, не знать? Что же делать-то, рубите! Вот она!». Ну, вот они возьмут... долгий шест, смеряют в его рост, лишнюю вершинку отрубят и искрошат шест на мелкие части, а его пустят. «Ну, ступай, да вдругорядь не попадайся, а то убьем»”³» [Криничная 1987, 176].

Подобная трансформация происходит и в рассказах о кладах, закливаемых разбойниками. Известно, что заклятые клады могут требовать самых страшных жертв: «...чтобы достать ее (бочку с золотом), нужно опустить туда двойню — брата с сестрой — Ивана да Марью» [Смирнов 1921, 18]; «нужно закопать первенца сына в землю, тогда из озера появится двенадцать кораблей, нагруженных несметными драгоценностями» [Там же]; «на кладе заклятие: кто выроет, вся семья того погибнет» [Там же, 10].

«Заклятия», используемые при захоронении кладов, представляют собой заговоры, которые, включаясь в комплекс поверий о кладах, приобретают свою специфику. Их главной отличительной чертой является особый механизм действия формул заклятия кладов. «Зароки» — это краткие словесные формулы, которые задают определенное действие с совершенно определенными предметами, но отнесенное в далекое будущее. Через какой-то промежуток времени (иногда краткий, иногда долгий) выполняется необходимое условие, и только тогда совершается действие, предусмотренное заклинательной формулой. Как и в других заговорах, слово необходимо порождает действие, но в данном случае временной разрыв между произнесением заговора и его выпол-

56 ² Н.А. Криничная цитирует текст из сборника [Садовников 1884, №1116].

³ Н.А. Криничная цитирует текст из сборника [Садовников 1884, №1113].

нением заложен изначально. Так, многие разбойники кладут свой клад на 100 или 200 лет: «На этот клад положен был Кудеяром зарок на двести лет» [Минх 1910, 36].

Наиболее распространенный вид формул, используемых в рассказах о заклятых кладах, — положение клада «на что-либо», например «на сто голов». По своей сути это формулы обмена с потусторонним миром, условия которого задает тот, кто прячет клад. Прячущий клад как бы сдает его на хранение, и дальнейшее получение клада возможно только при выполнении условий договора — принесении взамен того, что было указано в заклятии. Сходные формулы обмена применяются человеком и в других жизненных ситуациях. «Они входят в набор универсальных семантических моделей, отражающих отношения взаимобмена человека с неведомыми силами в интересах собственного благополучия» [Виноградова 1988, 278].

В случае разбойничьих кладов предметом обмена с потусторонними силами обычно являются человеческие жертвы. Но постепенно и в этой сфере заместительная жертва становится возможной: «Но клад, известно дело, просто не дается. Послали за знахарем: как быть? что делать? Тот погадал-поворожил. “Надо, бает (говорит), выкуп белой девке дать: девичью голову али кошачью”. Самаровцы предпочли отделаться кошачьей головой. Убили на том месте, под заклинания знахаря, кошку и принялись отрывать клад» [Кузнецов-Тобольский 1896, № 25, 738].

Но чаще избежать настоящей жертвы в рассказах о разбойничьих кладах помогают такие формулы заклятий, которые дают возможность обмануть клад или заговаривающего близким звуковым сочетанием. Практически единственной, повторяющейся формулой является заклятие «на сто (или другое число) голов», которые заменяются колами. Именно поэтому так ясно прослеживается параллель с заместительной жертвой, отдаваемой разбойником за свою силу или удачу в разбое. «У Бычихи (село) помещик зарывал клад. “Кладу, — говорит, —

сокровища на 100 голов”. А один усмотрел это. Как тот ушел, срубил 100 кольев, поставил их кругом и говорит: “Вот вам, сокровища, 100 колов”. Клад сейчас же и вышел» [Смирнов 1921, 19]. Этот тип рассказов трансформируется дальше: процесс обмана происходит в момент заклятия и тогда уже оказываются обманутыми сами разбойники. «...Разбойники закапывают клад и говорят между собою, мол, сто голов положишь, достанешь клад. А мужик им с сосны: “сто колов”. Они опять: “сто голов”, а мужик им опять: “сто колов”. Так три раза. Разбойники и подумали: “Это, наверно, сам Бог говорит нам «сто колов”. Так и сказали: “Кто положит сто колов, тому и клад достанется”» (зап. от Нины Зосимовны Пластининой, 1939 г.р., в д. Еськино Лузского р-на Кировской обл. [ФА МГУ, лето 1989 г., т. 16, № 141]).

Рассказы о замене голов колами устойчивы и сохраняются в очень близких вариантах⁴. В отличие от других типов рассказов о кладах, они точнее повторяют формальную структуру и ее словесное наполнение. Образы клада, разбойников и само заклятие утрачивают подлинное магическое значение и служат лишь поводом для проявления человеком определенных качеств — смекалки, сообразительности. Для этих повествований характерно отсутствие уточняющих временных и пространственных характеристик, ссылок на известные в данной местности реалии и упоминания конкретных людей. Возрастает условность как пространства, времени, так и образов персонажей, свойственных в большей степени бытовой сказке, нежели мифологическим рассказам (разбойник и мужик). На первый план выходит развлекательная функция, вытесняя практический интерес к сверхъестественным свойствам клада и разбойников. «Это уже бытовые, занимательные рассказы, а не рассказы о кладах в полном

⁴ Возможно, этот пресловутый кол закрепился так прочно в данной словесной формуле не случайно. А.А. Потебня писал: «Кол, забитый крепко» — внутренняя форма термина “заклятье”» [Потебня 1913, 145].

смысле этого слова. Они, несомненно, относительно поздние, в них чувствуется ослабление веры в зачатые клады и намечается переход бывальщин в анекдот» [Соколова 1970, 195].

Знакомясь с рассказами о кладах, нельзя не отдать должного народному чувству юмора. Даже такую пугающую тему, как заклятие кладов разбойниками, прозаические произведения реализуют не только в серьезных, но и в иронических формах: «Однажды разбойники приготовили в лесу груды золота, чтобы зарыть ее в клад, и не успели еще насыпать его. Не долго думая, он снял с себя порты, нагрузил их золотом, взвалил на плеча и потащил домой. Когда вернулись разбойники и не нашли золота, то один из них пустил стрелу из лука вверх с приговором: “Как высоко, так глубоко”, т.е. как высоко улетит стрела, так бы глубоко лежал их клад, и что же? С плеча у мужика тотчас сорвалось золото и с громом полетело в землю» [Аристов 1867, 725].

Связь образа разбойника с мотивом кладов, требующих человеческих жертв, отражает отношение к нему как к «чужому», имеющему мифологические черты персонажу, и роднит его с образами первопоселенцев и инородцев. Так, например, человеческой жертвы требовал клад марийского князя Болтуша, которого захоронили в лодке с медью в озере: «...и эта лодка с медью выходила из озера ночью в 12 часов ровно. Этот клад можно было видеть не мигая, не кашляя, не шевелясь и не говоря. А если убить человека и бросить в озеро, то она сама выйдет» [Худяков 1931, 175].

Мотив убийства разбойником первого встречного для получения силы или удачи перекликается и с мотивом убийства кого-либо при захоронении клада для того, чтобы получить охранника клада. При этом «приставление» к кладу сторожа может сочетаться с заклятием клада с помощью словесной формулы, содержащей весьма трудное для выполнения условие овладения кладом: «Рассказывают, что однажды на берегу Волги в

лесу разбойники захотели зарыть в землю добытое ими сокровище, они положили его в бочку и зарыли на берегу. Затем решили, что нужно кого-нибудь поставить сторожем богатства, но никто не решился. Тогда бросили жребий, который и пал на одного несчастного. Они привязали его к дереву, дали в руки ему саблю и, отъехав в лодке на середину Волги, дали по привязанному залп, сказавши: “Кто берег с берегом сведет, тот и клад возьмет”. Всё это видел и слышал прохожий, случайно застигнутый ночью в лесу и близ того места остановившийся ночевать. Когда разбойники уехали, он, дрожа от страха, пошел к тому месту, где находился клад и расстрелянный разбойник. К его ужасу и удивлению оказалось, что разбойник был убит, но когда он приблизился к нему сажжен на пять, как разбойник ожил и, размахивая саблей, поводил сверкающими глазами. Но когда он отошел от разбойника на значительное расстояние, как разбойник снова превратился в труп. Прохожий, придя в деревню, рассказал страшное приключение и нашел кладоискателя, который соединил оба берега ружейным выстрелом» [Смирнов 1921, 18].

Разбойники убивают кого-нибудь, из этого умершего преждевременной насильственной смертью получается заложный покойник, а из него, в свою очередь, охранник клада. Еще Д.К. Зеленин указывал на такой способ появления хранителя кладов: «Но некоторые из числа заложных покойников, так сказать, делают себе за гробом карьеру: они сами становятся в ряды представителей нечистой силы. А именно, некоторые из заложных покойников оказываются духами-оберегателями кладов, многие — кикиморами и русалками, иные — водяными, лешими и домовыми духами» [Зеленин 1999, 20]. Это подтверждается тем, что нечистая сила обычно сторожит клады разбойничьи, т.е. такие, на которых в любом случае есть кровь, или связанные с утопленниками, самоубийцами и т.д. (ср.: «Говорят, что на этом дубе (под которым лежит клад) повесился тот, кто клад зарыл» [Садовников 1884, 112а]). По мнению Н.А. Криничной, «принесение жертвы при закапывании клада

аналогично принесению “строительной жертвы”. Только в одном случае требуется заполучить духа для строящегося здания, в другом — для зарываемого клада» [Криничная 1987, 114].

Своего рода производной образа заложного покойника можно считать разбойников, стерегущих свои клады. Обычно это Кудеяр и Степан Разин. Одним из главных признаков заложных покойников Д.К. Зеленин считал то, что их «земля не принимает» [Зеленин 1999, 21]. *«Стенька Разин не помер, он живет в лесу. Он живет в таком месте, куда и близко никто не может подойти, а сам он жив. Его проклял Бог, земля его не принимает, а Бог не принимает его души. Он и лежит на боку на каменистой земле. Когда сядет солнце, соберутся к нему из лесу змеи и лягушки, и ящерицы, и всякие гады и начнут его высасывать; с восходом солнца оставят только душу и кости, а с сердца один змей и не сходит, сосет день и ночь. Вот ночь так высосут, а днем вырастет на нем опять тело; как настанет вечер, опять то же, и говорят, что он будет так жить до окончания света»* [Шахматов 1910, 73—74 (выделено мною. — Н.К.)]. Другой путь стать заложным — быть проклятым: *«Стенька прежде был умоленный, а теперь его двенадцать раз в год проклинают. Он одних церквей двенадцать штук настроил, а потом, значит, своих стал обижать — за это его и прокляли»* [Садовников 1884, 111е (выделено мною. — Н.К.)].

В рассказах о кладах, реализующих тему «разбойник жив и охраняет свои клады», возможны два пути развития сюжета. Во-первых, может превалировать оценка разбойника с точки зрения христианской морали. В этом случае добавляется описание мучений разбойника за грехи. Во-вторых, образ может раскрываться и с точки зрения социально-утопических чаяний народа (ср. в текстах о сокровищах Разина, предназначенных простому народу). Однако рассказ не всегда содержит этическую или социальную оценку положившего клад разбойника: *«...хранятся в пещере за железными дверями громадные сокровища разбойника Кудеяра, но золотой ключ от*

нее лежит в Симовом роднике, и достать ключ может лишь тот, кто вычерпает этот родник; к тому же и сам Кудеяр стережет свои сокровища» [Минх 1910, 33]. Внимание рассказчика более занимает клад, нежели разбойник. В любом случае мы имеем дело с таким фольклорным материалом, где весьма архаичные по происхождению образы разбойников включены в достаточно позднюю, дошедшую до нас художественную систему народной несказочной прозы.

В рассказах, описывающих мучения разбойника (по ночам прилетает птица или приползают гады и т.д.), представления об охраняемых кладах отодвигаются на второй план, первостепенное значение приобретает христианская трактовка образа клада как искушения, знака, «дияволу показующу сребролюбивых ради» [Витевский 1893, 1].

Тема грехопадения через искушение богатством, душегубства, покаяния и расплаты за грехи — традиционная тема легенд. Например, легенда «Грех и покаяние» начинается с того, что главный герой видит клад, затем, хоть и не по своей воле, совершает смертные грехи, а после долгие годы их искушает. Когда он умирает, хоронят его уже как положено [Афанасьев 1990, 141—144]. Интересно отметить, что в комментарии к изданию легенд А.Н. Афанасьева А.Н. Пыпин писал про эту легенду: «Подробности рассказа взяты из русской жизни, и он становится столько же похож на легенду, сколько на сцену из народного быта... Эти, так сказать, бытовые легенды по своей манере и содержанию довольно заметно отделяются от других преданий, и происхождение их не столько зависит от религиозного верования, сколько от обращения народа к собственной жизни: это нравоучение, извлеченное не из догматической морали, а из самого быта» [Пыпин 1990, 198]. Образ клада, совмещая в себе индексальное и символическое значения, сводит в одном повествовании две сферы — бытовую и духовную. Такую же роль образ клада играет в рассказах, описывающих мучения Кудеяра и Разина за грехи. Символическое значение клада как искуше-

ния дьявольского помогает выразить оценку исторического персонажа в этическом ключе. Поначалу бытовой рассказ приобретает легендарный характер.

Образ Разина, охраняющего свой клад, может раскрываться и в аспекте социально-утопических чаяний народа. В этом случае Разин представляется «благородным» разбойником, народным защитником: он жив и стережет свои богатства, чтобы раздать их народу. «...Я — Стенька Разин. Берегу, брат, я это золото для православных христиан и разделю им его, когда наступит время... Как придешь домой, расскажи, что видел и слышал... Хотели меня бояре московские казнить, да не пришлось им, с той поры живу я здесь, проклятый православной церковью» [Степан Разин 1939, № 33]. Сокровища служат средством достижения социальной справедливости.

Мотив наличия клада, его охраны может, напротив, снижать образ Разина. С одной стороны, отрицательная оценка этого персонажа в подобных повествованиях схожа с осуждением несправедливого богатства, высказываемого в легендах о мучениях Разина за грехи. С другой — эти рассказы отличаются отсутствием особой атмосферы необычайного при наличии чудесных мотивов. Они раскрывают образ героя как корыстного человека, разбойника в собственном смысле этого слова: «Вообще в пещерах жигулевских гор кладов множество. Раз богомолка выбрала там себе одну пещеру, повесила образок и начала молиться. Настала ночь, и явился Разин; тотчас со всех сторон пещеры выкатились бочки с золотом; он выгнал богомолку и сел считать деньги» [Аристов 1867, 723—724].

Рассказы о кладах, охраняемых положившими их разбойниками, в корне отличаются от других рассказов об охраняемых кладах и, вероятно, являются более поздними. Обычно человек проявляет инициативу и, вооружившись всем необходимым для выполнения условий овладения кладом, отправляется на то место, где клад зарыт. Здесь его и ждет встреча с нечистой силой, принимающей самые разнообразные облики.

Когда же речь идет о легендарных раз-

бойниках, то встреча с сокровищем и его охранником происходит случайно. В некоторых случаях герой не может потом найти то место, где хранится сокровище. Можно предположить, что в первом случае проявляется языческий взгляд на клады, по которому «можно достать сокровище из клада только посредством материальной силы» [Аристов 1867, 710], а во втором — христианский: «Вовсе не нужно хлопотать о богатстве, не трудом приобретенном, а полученном от хитрого дьявола, который стремится через это богатство сделать человека несчастным» [Там же].

Вступающий в контакт с кладом — обычно местный житель, известный рассказчику. Заблудившись, он попадает в землянку или пещеру, где лежат сокровища. Их охраняет седой старик, который вступает с человеком в разговор. Старик оказывается Разиным или Кудеяром. Несмотря на отмеченные особенности, рассказы о кладах, охраняемых Разиным и Кудеяром, не утрачивают форму достоверного рассказа о конкретном случае, происшедшем в обозримом прошлом с кем-то из среды рассказчика (ср.: «Давно уже это было, лет сорок назад... Есть у нас на селе столетний старик, “Лапоть” прозывается» [Степан Разин 1939, № 33]). В целом же их можно признать маргинальными образованиями, тяготеющими к быличкам (об охраняемых кладах), легендам (в силу некоторой дидактики, придания образу клада символического значения и христианской нравственной оценки образа охранника) и преданиям (поскольку они связаны с историческими персонажами).

Помимо рассказов, посвященных заклятию клада или его охране, существует значительное число текстов, также включающих в себя мотив «клад был положен разбойниками». Наиболее многочисленны бессюжетные повествования, которые по форме бытования можно причислить к «слухам-толкам». Повествовательная структура этих рассказов включает три постоянных элемента: 1. указание на место и приметы, где положен клад; 2. описание тары, в которой лежит клад, и его состава; 3. сведе-

ния о том, кто и как положил клад. Ср.: «Недалеко где-то есть река Былина, это в бассейне Волги. Говорят, в этой речке вымывает золото. Золотые монеты. Там на дне, вроде, клад. Во времена Степана Разина там прятали, скрывались по речкам. Они подплывали к Степану Разину, собирались» (зап. от Галины Александровны Кондровой, 1920 г.р., в с. Утманово Подосиновского р-на Кировской обл. [ФА МГУ, лето 1988 г., т. 15, № 28]).

Места, где скрыты разбойничьи клады, обычно располагаются далеко от деревень и связаны с какими-либо приметными природными объектами либо с временными поселениями разбойников. Природные объекты — прежде всего водные источники (озера, реки, ручьи, родники, колодцы и т.д.): «На колодливом озере будто лодка утопленная с золотом есть» [Комовская 1951, № 45]. Не менее часто встречаются возвышенности (горы, бугры, курганы и т.п.): «...Существует будто бы четырехугольная гора, где будто бы скрыты сокровища Ивана Фаддеича» [Смирнов 1921, 36]; «Вверх течения Оки выступает из берегового венца возвышение, называемое гора "Малая городина". Здесь в стародавние времена проживал, по преданию, разбойник по имени Семен...» [Добрынкина 1909, 11], — а также овраги (урочища, балки и т.п.) и огромные деревья (сосна, дуб и т.д.): «На поле "Бряково" деревни Косодайлово Нерехтского уезда есть рубеж (межа), на этом рубеже — дуб, а под дубом клад, котел с деньгами» [Смирнов 1921, 5]. Все эти места типичны и для «зачарованных» кладов в целом. По мнению Н.А. Криничной, по отношению к кладу эти объекты являются хранителями сокровища, его берегами. Соответственно образ разбойника-владельца клада сближается с архаическими, мифологическими по своей природе персонажами, такими, например, как чужь или паны на Севере [Криничная 1987, 110]. С другой стороны, наличие клада в таких местах, как и в пещерах, в различных зимовьях и других поселениях, можно объяснить и реальными бытовыми условиями жизни разбойничьих шаек. Таким образом, местонахождение богат-

ства подчеркивает черты собственно разбойника, успешно занимающегося грабежом, сумевшего накопить сокровища для клада.

Характерной чертой разбойничьих кладов можно считать и специфическую тару для их захоронения. Излюбленная — лодки. Возможно, в этом проступает архаическая основа образа разбойников, поскольку лодки являлись элементом древних форм похоронной обрядности. Помимо лодок, для захоронения кладов использовались бочки. Они подвешивались на цепях. Разбойники поскромнее использовали обычные корчаги, голенища, рукавицы и проч.

Иногда разбойники — хозяева клада — могут просто называться и не персонафицироваться: «Это татары жили за оврагом, а разбойники — у кладбища. И там остался после их склад» (зап. от женщины, 1915 г.р., в Камско-Устьинском р-не Татарской АССР [ФА МГУ, лето 1986 г., т. 2, № 174]). Но чаще клады принадлежат определенному местному разбойнику, а рассказы о них входят как составная часть в предание об этом разбойнике, где после описания жизни разбойника говорится: «Постоянное место жительства Ивана Фаддеевича был огромный глухой бор Карево, где он умел всегда скрыться от преследования и где впоследствии оказался огромный клад, который многие видали, но взять никому не удалось. Он находится и в сее время тут» [Смирнов 1921, 37].

Иногда один из элементов структуры, например состав клада, отсутствует, при этом оказывается прибавлен четвертый повествовательный элемент — условия овладения данным кладом: «В четырех верстах от с. Труслейки Разин положил на пчельнике под порогом избушки клад и икону Божией Матери. Кто отыщет икону, тот отроет и клад, но если кто станет рыть без иконы, тот лишь начнет доставать, тотчас уснет» [Аристов 1867, 723].

Очень характерно для разбойничьих преданий сочетание с мотивами чудесных кладов, являющихся в различных обликах и охраняемых нечистой силой. Например: «...видят солдата: как он хо-

дит охраняет, значит, тот клад, а том другим покажется, самому мне видеть не подваливалось. Рассказывают: по берегу раньше большая дорога там проходила, а через реку мост громадный был, так вот: будто клад тут разбойники зарыли» [Смирнов 1921, 8]; «...денег столько, говорят, что на всю бы Костромскую губернию хватило. Этот клад показывается то конем белым, то синей мялкой. Разбойники будто зарыли, так один в тюрьме покался, что тут клад зарыли» [Там же, 5].

Как и в случае с чудскими и панскими преданиями о кладах на основе «слухов-толков» возникают дочерние рассказы о кладах разбойников, которые охраняются потусторонними силами или являются в каком-либо необычном облике. Эти рассказы раскрывают мифологическую сущность клада, а по связи с ним и разбойников: «А тут клады-то раньше клали. Слыхала? Соберутся люди и пойдут собирать у людей денег. Собирают деньги, собирают. А не будет отдавать, дак раньше были заслонки деревянные, исколют заслонку, зажгут, его положат и обжигают. Страцают хозяина: а последние копейки отдавай. Вот насобирают, выкопают яму это, а деньги в корчагу положат, выкопают яму, похоронят это и одного человека из партии убьют и тут похоронят, чтобы клад караулить. И завет был — сто годов. На сто годов этот клад: сто годов вылежит этот клад. И такой был случай. Семья. И видно не знали клад-от. Видно, клад-от в подполье был. Они не знали. Сидят, прядут, гости приехали. Вдруг из подполья выходит баран. Идет баран вот эдак: губы положит, а не задевает. Одной, другой положит, а не задевает. Забоались. Третья-то (а та прядла): “Ну-ка ты”, — говорит. Он рассыпался — одно серебро. Клад-от! Это клад-от вышел» [Иванова 1996, № 313].

Возможно также присоединение мотивов, характеризующих клад в бытовом аспекте: «В Ильинской волости, на пустоши Кашинке, недалеко от реки Кубены, разбойниками зарыт в землю котел серебра и золота. Клад этот находился под огромной плитой, каковых было привезено в то время разбойниками много с

целью построить тут город. Одна из попыток отыскания клада будто бы увенчалась успехом: крестьянин деревни Сидоровской нашел столько золота, что наполнил им обе свои рукавицы» [Предания Русского Севера 1991, № 159]; «Клады у нас были. Из Моломского монастыря его вывезли, из Разинской армии кто-то. И на речке Былине спрятали, котел такой. 200 лет прошло, никто не знает, что там было, только посуду оловянную нашли, она сейчас у одного из нашей деревни стоит» (зап. от Александра Павловича Пономарева, 1922 г.р., в д. Степанёво Подосиновского р-на Кировской обл. [ФА МГУ, лето 1988 г., т. 8, № 45]). Неслучайно образ «благородного» разбойника всё больше вытесняется образом собственно разбойника: «Заклученные какие-то, русские, золото украли из казны в Москве» (зап. от Ивана Дмитриевича Петракова, 1906 г.р., в д. Пысса Удорского р-на Коми АССР [ФА МГУ, лето 1977 г., папка 5, т. 1, № 29]).

Таким образом, рассказы о разбойничьих кладах имеют тенденцию к распространению или образованию дочерних сюжетов в разных направлениях: а) раскрытие образа владельца клада, соединение с мотивами и сюжетами, традиционными для исторической прозы; б) раскрытие образа клада в мифологическом аспекте; в) раскрытие образа клада в бытовом аспекте.

В некоторых рассказах о кладах повествователь, занимающий весьма скептическую позицию по отношению к излагаемым событиям, значительно снижает образ разбойников, положивших сокровища. Это достигается включением в текст мотива невыполнимого условия: «На Волге Воробьева гора есть; в ней пещера Стенькина; а в пещере золота — конца краю нет: всё награбленное в нее складывал. У входа в пещеру старик сидит, подает кружку соплей и говорит: “Выпей, тогда клад дастся!”. Охотников не выискивается» [Садовников 1884, № 112и].

В каждой местности были свои разбойники, оставившие клады. Например, в Костромской губернии на реке Воронке известен разбойник Лобанов, «становище которого было выше, в “Лобановой сече”, здесь же скрыты им награблен-

ные сокровища»; Мирон, в честь которого названа гора; «Лялинские разбойники» и многие другие. «Особенно многочисленны и повсеместны в крае рассказы о скрытых кладках и подвигах Ивана Фаддеича...» [Смирнов 1921, 31]. Имя разбойника часто закреплялось в географическом объекте, а топонимическое предание о нем могло поддерживать жизнь мотива о положении разбойником клада. Разбойник выступал как своего рода культурный герой — тот, кто приложил руку к появлению особенностей местного ландшафта.

Бессюжетные предания о кладках Пугачева и Ермака специфических черт, отличных от обычных преданий о разбойничьих кладках, практически не имеют. Тенденции присоединения к другим мотивам и сюжетам остаются теми же (например, особые условия овладения кладом: «Пугачев закопал в саду Карамыша бочку с деньгами, причем оставил там одну из своих галиц (рукавиц), а другу куда-то спрятал; для того, чтобы взять эти деньги, необходимы обе рукавицы. Старуха уверяла меня, что она сама видела рукавицу, оставленную Пугачевым на месте зарытой бочки» [Щеглов 1913, 255]).

Предания о кладках Разина и его сподвижников наиболее популярны. Они были распространены даже в тех местах, где разинское войско не проходило⁵. Специфика появляется в произведениях, раскрывающих тему «Разин жив», о которых уже говорилось выше. Однако бессюжетные формы повествования или «свернутые» сюжеты сохраняются в народной памяти дольше. По данным экспедиций МГУ в русские села Татарии, в 1980-х гг. в обследованных местах самой популярной темой Разинского цикла была тема кладов, но «рассказчик ограничивается лишь названием сюжетной темы: “Разин зарывает клады”» [Ковшова 1990, 131].

⁵ Ср.: «Ветлужский край, например, очень богат легендами и рассказами про подвиги Разина и клады, положенные им здесь, между тем как в действительности область его подвигов не простиралась так далеко на Север» [Смирнов 1921, 30].

Предания о кладках Кудеяра интересны прежде всего своей многочисленностью и тем, что часто клад является единственной характеристикой этого разбойника. «Особенность Кудеяровых кладов не в их качестве, а в их количестве — уж очень на большой территории он их зарыл» [Соколова 1970, 209]. Многочисленные поклажи Кудеяра стали основой его популярности в народе. С точки зрения структуры, способа повествования и взаимосвязей с другими сюжетами предания о кладках Кудеяра не выходят за рамки специфики разбойничьих преданий. Эти предания были детально рассмотрены В.К. Соколовой [Там же, 209—224].

Повествовательная структура бессюжетных рассказов о разбойничьих кладках, иногда многократно повторяемая, лежит в основе так называемых *кладовых записей* и различных писем разбойников. Они представляют собой интереснейший пример письменного бытования фольклорных произведений. Письма с указанием местонахождения клада упоминаются во многих рассказах о кладках. Сохранились и тексты самих кладовых записей, которые переписывались и хранились, подобно заговорам.

Так же, как и в устной традиции, основная повествовательная структура здесь дополняется мотивами, раскрывающими образ владельца клада. Изложение ведется от первого лица и может иметь форму завещания, например: «Шел я, Степан Тимофеевич сын Разин, из города...» [Аристов 1867, 734]. Замечательные образцы такого рода записей можно найти в различных периодических изданиях конца XIX — начала XX столетия. Среди них одна кладовая запись, написанная от имени Кудеяра. В ней Кудеяр раскрывается как исторический персонаж, близкий Ивану Грозному⁶. Начинается она так: «Послание к брату моему любезному, Алексею Васильевичу, чтобы он взял мою поклажу-казну: образа с драгоценными камнями, жемчуг,

⁶ Сюжеты о близости Кудеяра Ивану Грозному часто сочетаются с преданиями о Кудеяровых поклажах. Факт такой близости подтверждают и некоторые исторические теории (см. об этом: [Крупн 1975, 234]).

булатную саблю и прочие вещи. Послание писал своею рукою сам Кудеяр Васильевич и послал брату своему из Кремля. Виноват я перед Богом, что нагрубил великому Государю Ивану Васильевичу, Российскому самодержцу, который приказал было мне царство Московское, при уходе своем в поход под Казань-город. Я, Кудеяр, изменил ему, великому Государю, с единомышленниками моими Кладияновыми генералами, Алыковым да Захаровым, отважился и составил ложный указ, объявил бывшим при мне ратникам, что передано им от Царя Ивана Васильевича идти к нему на помощь, под Казань-город. И взял я с собою всю армию со всем вооружением и семью пушками, и забрал из Москвы, как из дворца, так и из казны, и из прочих мест, где только было золото, серебро и все драгоценности» [Щеглов 1913, 251—253]. Далее следует подробное описание, что и где было зарыто, т.е. опять повторяется базовая структура бессюжетных рассказов о кладах. Это типичный пример письма разбойника, который повествует о том, как он совершил грабеж, однако в данном случае описанному событию придается государственный масштаб. Некоторые детали, упоминаемые в кладовых записях, могут придавать образу разбойника почти эпическое звучание. Особенно это касается Кудеяра: «...вход с приметами, ведущий в три погребка, в которых хранятся большие богатства: один наполнен золотом, другой серебром, а третий — конской сбруей» [Минх 1910, 36]⁷.

Кроме мотивов, раскрывающих образ разбойника, кладовые записи содержат и условия овладения кладом, обычно связанные с правильным использованием полученного клада: «В письме пишет, что надо рыть под дубом; там есть ход (лестница) и в подвале золото. “Часть этого золота, говорит, возьми и отдай на Ризу Божьей Матери в церковь”» [Садовников 1884, 112г]. В исповеди

⁷ Близкий образ трех погребов используется при описании того богатства, на которое наезжает Илья Муромец в своих поездках (см., например: [Былины 1988, 209]). Этот же мотив встречаем в волшебных сказках.

Разина содержится просьба о помине его души: «...из моего турецкого выстрелить и сказать: “Вот тебе, Степан Тимофеевич сын Разин, вечная память”» [Аристов 1867, 734]. Мотив захоронения кладов для спасения души неоднократно встречается в кладовых записях [Витевский 1893, 15].

Для кладовых записей типично смешение исторических персонажей. Так, в свитке ориентировочно XVI века говорится о сокровищах, посланных крымским ханом в Москву Ивану Грозному, о том, где они теперь спрятаны Варварой Ильинишной по кличке Железный лоб, старшей сестрой Кудеяра, и о главном их есауле Степане Разине [Там же, 16]. При этом, собранные вместе, кладовые записи могут стать прекрасным источником для изучения не только темы кладов в фольклоре, но и образов известных исторических персонажей, таких, например, как Степан Разин и Иван Грозный.

Специфика этих произведений как письменных форм фольклора состоит в том, что кладоискатели уделяли большое внимание описанию состава клада. В «записях» могли подробно перечисляться и описываться все драгоценные изделия, предметы, их содержащие. Не менее важно было подробно рассказать о приметах, по которым нужно было искать клад, и передать другие мелкие детали, которые обычному человеку трудно было удержать в памяти при устном пересказе.

Кладовые записи интересны еще и тем, что они имели хождение, как правило, в среде кладоискателей. Переписывали их люди, относящиеся к ним очень серьезно. «Один из кладоискателей, некто Ящеров, имея рукописную “запись” на сорок кладов, якобы зарытых Разиным в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, дошел до Императорской Археологической комиссии в Петербурге и в 1896 году получил разрешение на поиски этих кладов. Но Нижегородская архивная комиссия, которой было предписано оказать содействие Ящерову, отнеслась к этому с большим скептицизмом» [Александрова 1959, 103],

поскольку в ее распоряжении уже находилось несколько подобных записей, в которых фигурировали другие исторические лица.

Итак, рассказы о разбойничьих кладах создают яркий художественный мир, в котором сосуществуют и обгаренные кровью невинно убиенных жертв разбойники-душегубы, и эпические «хозяева» целых погребов сокровищ, и безымянные разбойники, которых легко одурачивает смекалистый, веселый мужик. Помимо научного интереса и эстетического удовольствия, которое эти рассказы могут доставить слушателю (и читателю), они способны преподать наглядный практический урок многочисленным любителям легких денег, который так сформулирован в народной пословице: «Пусти душу в ад, будешь богат» [Даль 1997, 48].

Источники

- Аристов 1867 — *Аристов Н.Я.* Предания о кладах // Записки имп. РГО по отделению этнографии. Т. 1. СПб., 1867. С. 719—727.
- Афанасьев 1990 — Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990.
- Былины 1988 — Былины / Сост. Ф.М. Селиванов. М., 1988. (Б-ка русского фольклора; Т. 1).
- Даль 1997 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1997.
- Добрынкина 1909 — *Добрынкина Е.П.* Предания и легенды заречной области гор. Муром. Муром, 1909.
- Иванова 1996 — Вятский фольклор. Мифология / Сост., вступ. ст., коммент. А.А. Ивановой. Котельнич, 1996.
- Комовская 1951 — Предания и сказки Горьковской области / Зап. и ред. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.Д. Комовской. Горький, 1951.
- Кузнецов-Тобольский 1896 — *Кузнецов-Тобольский.* Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири // Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1896. № 23—29.
- Минх 1890 — *Минх А.Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии // Записки имп. РГО по отделению этнографии. Т. XIX, вып. 2. СПб., 1890.
- Предания Русского Севера 1991 — *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
- Садовников 1884 — *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края // Записки

имп. РГО по отделению этнографии. Т. XII. СПб., 1884.

Смирнов 1921 — *Смирнов В.И.* Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXIV. Кострома, 1921. С. 1—51.

Степан Разин 1939 — Степан Разин на Волге / Сост. М.А. Емельянов. Куйбышев, 1939.

ФА МГУ — архив кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Худяков 1931 — *Худяков М.Г.* Из фольклора Нижегородского края // Советская этнография. 1931. № 3—4. С. 171—179.

Шахматов 1910 — *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

Щеглов 1913 — *Щеглов С.А.* Кладовая записка // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 251—256.

Литература

- Александрова 1959 — *Александрова Е.А.* Устная проза о Разине // Ученые записки Даугавпилского пединститута. Серия 4, вып. 3. Даугавпилс, 1959. С. 81—112.
- Виноградова 1988 — *Виноградова Л.Н.* Отражение древнеславянских мифологических представлений в «малых» фольклорных формах // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X междунар. съезд славистов. Доклады Советской делегации. М., 1988. С. 277—288.
- Витевский 1893 — *Витевский В.Н.* Клады и кладоискание на Руси. Казань, 1893. (Известия ОАИЭ при имп. Казанском университете; Т. 11, вып. 5).
- Зеленин 1999 — *Зеленин Д.К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917—1934. М., 1999. С. 17—34.
- Ковшова 1990 — *Ковшова М.Л.* Предания в русских селах Татарии // Фольклорные традиции современного села (по материалам экспедиций в русские села Татарской АССР). М., 1990. С. 125—138.
- Криничная 1987 — *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
- Крупп 1975 — *Крупп А.А.* К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XV. Л., 1975. С. 234—239.
- Потебня 1913 — *Потебня А.А.* Мысль и язык. Харьков, 1913.
- Пыпин 1990 — *Пыпин А.Н.* Русские народные легенды // Народные легенды А.Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 180—202.
- Соколова 1970 — *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М., 1970.